

ЙЕНС ЛАПИДУС

ЙЕНС ЛАПИДУС

СТОКГОЛЬМ DELETE

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО
СЕРГЕЯ ШТЕРНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Л24

Jens Lapidus
STHLM DELETE

Серия «Мастера саспенса»

Перевод со шведского *Сергея Штерна*

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Оформление обложки
Екатерины Елькиной и Екатерины Климовой

Лапидус, Йенс.

Л24 Стокгольм delete : [роман] / Йенс Лапидус ; [пер. со швед. С. Штерна]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 544 с. — (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-101984-6

Новый мрачный и жесткий роман Йенса Лапидуса, автора бестселлеров «Шальные деньги» и «VIP-зал».

Отбыв срок за похищение Матса Эмануэльссона, ныне считающегося мертвым, сербский иммигрант Найдан, по прозвищу Тедди, устраивается на работу в юридическую фирму, в которой ему поручают решение самых «деликатных» вопросов. Его племянник Никола выходит из Исправительного дома для трудных подростков и попадает под влияние криминального мира. Тем временем адвокат Эмили Янссон, молодая коллега Тедди, пойдя против правил своей фирмы, соглашается защищать сына Матса, обвиняемого в убийстве. Тедди, Никола и Эмили оказываются вовлечены в игру, правил которой они до конца не понимают.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-101984-6

© Jens Lapidus 2015
© Штерн С., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вермдё

Нельзя сказать, чтобы Тони Каталхейюк ненавидел свою работу. Но и не любил. Мечтал служить в полиции, поступал дважды в училище — не приняли.

Несправедливо.

Превосходное зрение, великолепный слух. Тесты на физическую подготовку выполнил — инструкторы переглядывались. Протащил восьмидесятикилограммовую куклу сто метров играючи, как тореадор мулету. Здоров как бык, никаких ограничений, безупречная биография. О каких-то судимостях и речи нет. Никогда не баловался наркотой, хотя приятели в гимназии много раз предлагали.

— Пара косячков — да это покруче, чем любая телка.

— Кому как, — улыбался Тони и отказывался.

А с психологами ему не повезло. Прощебетали на своем птичьем языке: нельзя, дескать, исключить риск, что он, Тони Каталхейюк, «не сможет в достаточной степени способствовать саморазвитию и совершенствованию коллег по профессии», что у него якобы есть «трудности в осознании себя как части целого», что он «не воспринимает себя как члена команды». Индивидуальный игрок, так сказать.

И как, интересно, они это установили?

Позвонил в приемную комиссию, а там пошуршали бумагами и повторили тот же бред, что несли эти недогребанные

Йенс Лapidус

психологини. Слово в слово, наверняка просто-напросто прочитали их заключение вслух.

Тони спорил и настаивал:

— Если вы не объясните толком, я это так не оставлю.

— Вот-вот, — сказала женщина, — теперь я, ко всему прочему, могу еще добавить: у вас серьезные проблемы с умением сотрудничать.

Бред сивой кобылы. Полжизни он играл в командах, пока не начал заниматься грэпплингом¹. И конечно же у него не было никаких «проблем с умением сотрудничать». Но стервы, которые занимались тестированием и проводили интервью... эти ведьмы слетелись на свой шабаш и постановили, что полицейским ему не быть.

Полиция в его помощи не нуждается.

Почему — можно гадать хоть до скончания века.

Небо уже начало сереть, хотя лес на обочинах — сплошная черная стена. Тони гнал, не обращая внимания на ограничения скорости. Начальство на такие нарушения смотрело сквозь пальцы, если не поощряло. Особенно по ночам. Поощрять-то поощряло, но никогда бы в этом официально не призналось.

«Наше место либо здесь, у пульта, либо у заказчиков. Люди довольны, когда охрана быстро реагирует. Хотя кто мы, по сути? Ночные сторожа в мундирах».

Сторожа в мундирах.

Тони ненавидел эту фигуру речи. Никакой он не сторож. Его призвание — бороться с преступниками. Как полицейский. Не зря же он рвался в школу полиции.

¹ Боевое искусство, включающее в себя преимущественно борьбу на земле. Этот вид борьбы разработан на основе самбо, дзюдо, вольной борьбы и бразильского джиу-джитсу. В грэпплинге решающее значение имеет не грубая физическая сила, а прежде всего технический арсенал спортсмена. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Стокгольм delete

Сигнализация сработала минут пятнадцать назад. Дом в лесу недалеко от Энгсвика, на севере Вермдё.

Обесточка, судя по сигналу, но через несколько минут свет включился. Возможно, сработал предохранитель.

Дорога пустая, можно придавить железку, тем более что Робин подсказал: радары не работают. На все радары не хватает камер.

Тони знает эту дорогу как свои пять пальцев. И навигатор работает идеально.

Вот и поворот. Не снижая скорости, свернул направо. Здесь он никогда не был. Все равно — вероятность появления машины исчезающе мала. На этом участке жилья нет — проверил по карте.

Осталось четыреста метров. Что-то блеснуло в свете фар в канаве за кустарником. Машина? Авария? Может, стоит остановиться и проверить? Нет, уже нет времени; охрана должна прибыть на место не позднее чем через двадцать пять минут после сигнала. Так написано в договоре с клиентом: двадцать пять минут — крайний срок. Далеко ли, близко ли охраняемый объект — значения не имеет. Двадцать пять минут — гарантируем. В любую погоду.

Под колесами захрустел гравий — он въехал на участок. Красный деревянный дом с белыми наличниками напомнил футбольную спортшколу, где он занимался в детстве. Пять лет подряд первые две недели летних каникул они с братом проводили на острове в северном архипелаге, играли в футбол и спали в красных деревянных домиках.

Тони вырос в Фисксетре¹, родители даже не помышляли перебраться в другой район. Это, кстати, наверняка объясняло, почему он с удовольствием работал в Вермдё: каждый раз, когда срабатывала сигнализация в одном из этих выкрашенных красной фалунской краской домов, он вспоминал волшебные футбольные каникулы.

¹ Один из наименее привлекательных пригородов Стокгольма.

Йенс Лapidус

И неважно, что тревога в девяти из десяти случаев оказывалась ложной.

Чуть поодаль — навес для машины. Под навесом пусто.

Сирены молчали — наверняка владелец выключил, обычная история. На рутинный звонок диспетчера никто не ответил. Тоже ничего удивительного.

Что происходит, когда система оповещения реагирует на обесточку? Происходит вот что: полусонный хозяин, ругаясь, щелкает рычажком выбитого предохранителя и мгновенно засыпает.

Но как-то уж слишком тихо здесь, слишком спокойно. Будто в ожидании прибытия охраны дом затаил дыхание. Это ему не понравилось. Он набрал на мобильнике номер — еще раз, на всякий случай.

Молчание.

И дверь типичная — выкрашена желтой краской, с полукруглым, разделенным на секторы смотровым окном наверху. Встал на цыпочки, заглянул — внутри темно. Нажал на кнопку и послушал мелодичный дверной звонок.

На крыльце пара резиновых сапог и стул, на стуле сложены штабелем плоские цветные подушки для катера. Или, может быть, для дачной мебели.

Опять позвонил.

Он прекрасно знал, как поступать в подобных ситуациях. Шеф по многу раз напоминал им СП — стандартные процедуры. Визуальный осмотр объекта, проверка «типовых обстоятельств». Все документировать и позвонить на пулыт.

Типовые обстоятельства: странно припаркованные машины, забытая фомка на влажной траве, шкаф с предохранителями. Взломанная дверь, грязные следы на террасе, разбитые окна.

Ничего не пропустить.

Осмотр, осмотр и еще раз осмотр.

Стокгольм delete

...А вот и одно из «типовых обстоятельств» — открытое окно. Едва ли не самая частая причина ложного вызова. Клиент забыл запереть, а ночью поднялся ветер.

Ну нет. Только не в этом случае. Сигнализация сработала не на открытое окно, а на кратковременную обесточку.

Тони подошел к открытому окну. Армейские башмаки намокли, неважно. Что им делается...

В комнате тоже темно.

Встал на цыпочки и тут же увидел, что стекла в двойной раме вырезаны — и внешнее, и внутреннее. Идеально круглые отверстия. Классический, хоть и продвинутый способ: круглую присоску обводят стеклорезом по периметру, легкий, но резкий удар, и — хоп! — вырезанный диск остается на присоске, а в стекле дыра. Остается просунуть руку и открыть шпингалет. Тихо и эффективно.

Все ясно. Вызов поступил, потому что преступник попытался отключить питание сенсорных датчиков. И отключил, но у этого клиента была установлена резервная, так называемая противосаботажная система. Именно так она и работает.

В висках застучало. Пульс заметно участился.

Он отошел на несколько метров, позвонил на пульт и коротко доложил — тревога не ложная, речь идет о взломе.

— Они еще там? Грабители? — спросил Робин. Он сегодня дежурит на пульте. «Обеспечивает связь», как сказал бы шеф.

Вопрос не праздный. Чтобы найти то, за чем пришли, нужно время. Так что вероятность, что грабители еще здесь, не исключается. Об этом Тони не подумал.

— А хозяин? Где наш клиент? Дома?

— Понятия не имею. Я названивал, как разносчик пиццы. Никто не открывал.

Сунул мобильник в чехол и пошел к входной двери.

Йенс Лapidус

Неизвестно почему в последнее время участились случаи взломов квартир в присутствии хозяев. Воры пробираются на второй этаж, где окна и двери обычно не защищены сигнализацией. И спокойно работают.

Хитры, паразиты.

Ну нет, с этим надо кончать. Тони решил взять дело в свои руки.

Посмотрел на входную дверь. Потрогал ручку и удивился — дверь не заперта.

Вошел в прихожую. Одежда на вешалке колыхнулась от порыва ветра. Здесь пахло старым деревом и гарью от камина.

Достал фонарик. На полу лежало что-то бесформенное, похоже, тук с бельем. Направо — лестница на второй этаж, прямо перед ним — кухня.

На всякий случай достал телескопическую дубинку. Каленая сталь, длинная, длиннее не бывает — двадцать шесть дюймов. Никогда не приходилось пользоваться, только на тренировках. Но Тони всегда имел эту штуку при себе — мало ли что. Все когда-то бывает впервые.

Он прошел в кухню.

Кухня как кухня, образцовый порядок. А вот и открытое окно. Вид изнутри. Прямо напротив окна круглые настенные часы. Четверть пятого.

Открытая планировка, направо, без дверей, — гостиная. Под ногами захрустело разбитое стекло. Он направил луч фонаря вниз — пол усеян осколками.

Мебели совсем мало — кресло, журнальный столик.

А у столика на полу...

Он подошел поближе и посветил фонариком.

Труп.

Он никогда ничего подобного не видел.

Голова! Лица нет. Вместо лица — сплошная кровавая маска.

Стокгольм delete

Средостение прошла отвратительная судорога, и его вырвало на ковер.

Он взял себя в руки и посветил вокруг.

Весь пол залит кровью.

Он схватил телефон.

— Успокойся, — кричал Робин, — успокойся, говори толком.

— Убийство, — Тони чуть не плакал, — жуткое зрелище! Какое там дышит! Вызывай полицию, медиков... это черт те что!

— А кто-то еще там есть?

Тони чуть не выронил телефон. Он и думать забыл — а вдруг убийца еще здесь? Вполне может быть. Он в панике оглянулся.

— Никого не видно. Что мне делать? Осмотреть дом?

— Решай сам. Во дворе ничего не заметил?

Он выскочил на крыльцо. Как он мог забыть?

— Тони, что ты делаешь? Алло!

— Проклятье, Робин... я видел машину на обочине, — он произнес эти слова на бегу.

— Я звоню в полицию, будь на связи, — Тони услышал, как Робин переключил канал.

На свежем воздухе ему стало лучше. Он попробовал стереть в памяти увиденный кошмар. Пусть этим занимается настоящая полиция. Сейчас он был даже рад, что не полицейский.

Сторож в мундире. Всего-навсего. Сторож в мундире. И спросу — как со сторожа.

В неверном свете занимающегося утра автомобиль выглядел так, будто собрался ввинтиться в канаву. Тони раздвинул кусты — весь моторный отсек искорежен.

Взрытая земля. Как он мог все это заметить за плотным кустарником? Никак.

Йенс Лapidус

Он подошел поближе. Опять приготовил на всякий случай дубинку — и, то и дело оскользаясь и цепляясь за траву, чтобы удержать равновесие, спустился в канаву.

Новенький «Вольво»-универсал, шестидесятая модель.

Тони подошел поближе.

И только теперь увидел — за рулем человек.

— Алло!

Водитель не шевельнулся.

Лобовое стекло вдавлено и покрыто мелкой сетью трещин, но осколков нет. Триплекс — надежная штука.

Потянул за ручку — дверца открылась на удивление легко.

Теперь он увидел, что сработала подушка безопасности.

Молодой человек. Совсем молодой, лет двадцать. Блондин.

Полусдувшаяся подушка лежит на руле как пластиковый пакет.

Либо без сознания, либо мертв.

Тони тронул дубинкой руку.

Никакой реакции.

Часть I

Май

1

Что ж, пока надо жевать все это дерьмо. Пока он, Никола, вынужден именно этим и заниматься: жевать дерьмо.

Он сидит уже год.

Но скоро конец. Завтра последний день. Слава богу — завтра уже может вышагивать с дедом в церковь. С Бояном.

Ему девятнадцать. Швеция — больная страна. Идиоты. Они обращаются с ним как с несовершеннолетним. И все из-за мамы. Линда... ей никогда не надоест ворчать. Она все время угрожает: выгоню из дома, порву с тобой навсегда. И еще хуже: Тедди. Собственно, ему никто и не нужен, кроме Тедди. Разочаровать Тедди — он даже подумать об этом не мог. Он любил Тедди больше, чем... чем свежий порционный снюс, чем все джойнты в мире. Даже больше, чем приятелей. Приятелей, с которыми вырос, которые называли друг друга братьями.

Тедди — его дядя, брат матери.

Тедди — кумир. Икона. Пример для подражания. Он знал только одного человека, кто мог бы сравниться с Тедди: Исак.

И чем все кончилось? Отработки, штрафы, бесконечное нытье социалки. Линда решила поместить его в исправительное учреждение. Это она его сюда залопатила! Решила отправить *родного сына* в исправительное учреждение! В ни-

Йенс Лapidус

каких-косячков-никаких-развлечений, траханое исправительное учреждение.

Здесь он и провел целый год. Спиллерсбуда. Исправительный дом для трудных подростков. ИДТП.

Если подросток подвергает риску свое здоровье или нормальное развитие путем злоупотребления вызывающими привыкание средствами, преступной деятельности или других социально неприемлемых действий...

Он слышал этот параграф четырнадцать миллионов раз. Хоть двадцать восемь. Пустозвонство.

И минуты не проходило, чтобы он не повторил мысленно: мамаша — сволочь.

Мамаша — сволочь.

— Я же все для тебя делаю, — повторяла она беспрерывно, не успевал он приехать в увольнительную. — Все, что в моих силах. Был бы у тебя отец...

— У меня есть Тедди!

— Тедди? — мамаша покачала головой. — Твой дядя просидел за решеткой восемь лет из последних десяти. И где, интересно, он у тебя есть? В каком месте? В камере?

В классе он сидел за последней партой. Все как обычно. Они хотят его сломать.

Мамаша — сволочь. Иногда к этому рефрену он добавлял:

— И Сандра — сволочь.

Так называемый куратор. Сандра. У нее любимая тема — как искать работу. Ты должен представить себя «в выгодном свете», «правильно формулировать письма»... Лизать жопу, одним словом. Он для того и выбрал линию профподготовки — избежать всей этой пустой болтовни. К тому же его вовсе не привлекала жизнь «с-девяти-до-пяти». Или ремесленная работа по-черному — чуть получше, но все равно дерьмо. Есть куда более быстрые способы сшибить бабло. Опыт уже есть. Поработал на Юсуфа — деньги в кармане. И работа не пыльная, и бабки приличные.

Стокгольм delete

Мини-собеседования: Никола и еще пять парней в группе. Раз в неделю. Книги читают. Все остальное время он должен появляться на предоставленном ему рабочем месте практиканта в Окерсберге, на фирме «Георг Самюэль. Электросервис». Нормальный мужик этот Георг, только Никола не мог заставить себя заниматься всей этой чепухой.

А эти мини-собеседования... не такие уж мини — шесть рыл.

И мать, и заведующий в Спиллерсбуке в один голос: это тебе полезно, у тебя проблемы с концентрацией внимания, может, ты и не получишь зачет по шведскому, но, по крайней мере, научишься читать. Долдонят... как алкаши на садовой скамейке в Ронне. Читать... что, он читать не умеет, что ли? У деда крыша поехала на этих книгах... гений чтения из Белграда. Он научил Николу читать, когда ему и шести не было, сидел у его кровати со всякими «Островами сокровищ», «Таинственными островами»... «Двадцать тысяч лье под водой». Прикольные истории, между прочим...

Единственное, что Никола хотел, — уйти от радаров. Растечься, как масло по воде, жить той жизнью, которая ему подходила, а не гнить в классной комнате. И уж во всяком случае не под лупой этих блевотных аббревиатур. ИДТП... и в самом деле, блевать охота.

Конец всему этому дерьму, конец. Двенадцать месяцев в самой тоскливой заднице планеты позади.

Его ждет настоящая жизнь, Жизнь с большой буквы.

Уже началась. Юсуф знает, что он вот-вот вылупится. Уже позвонил — не может ли Никола помочь в одном дельце через несколько дней.

Постоять на стреме. Но не так, как обычно. Не как мальчик на побегушках. Дело серьезное — переговоры. Стрелка. Суд между воюющими бандами в Сёдертелье. Кто там истец, кто ответчик, Никола пока не знал, но главным судьей будет Исак. Он и решит, как поступать.